

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ЧАСТНАЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА • №35 (86)

Уверенность в завтрашнем дне и надежную защиту от инфляции гарантирует Вам финансовое Объединение **“ЭЛАС”**

Наш адрес: 121099, Москва, 2-й Смоленский пер., 3. (ст. м. “Смоленская”). Телефон (095) 241-8100 (круглосуточно).

Производим размещение свободных денежных средств организаций и частных лиц на срок от 6 до 12 месяцев под максимально высоким процентом:

350% годовых!

Минимальная сумма к размещению — 100 тыс. руб.

Организация предлагает широкий выбор **САНТЕХНИКИ** за наличный и безналичный расчет по приемлемым ценам:

- ванны;
- унитазы “компакт”;
- умывальники;
- смесители;
- полотенцесушители;
- душевые поддоны;
- мойки чугунные и из нерж. стали;
- импортные комплекты сантехники.

Тел. (095) 362-2553.
Адрес: Москва, ул. Волочаевская, д. 12-А, ст. “Площадь Ильича”.
Приобретем сантехнику.

АНДРЕЙ ЕГОРШЕВ:

ОДИН ИЗ ГЕНЕРАЦИИ “ПРАВСТВЕННЫХ УРОДОВ”

Моск. правда. - 1993. - 11 сент. - с. 3.

В противность иным (очень многим) в Андрее Егоршеве нет ни на волос позы и напыщенного, дутого ораторства. Чем и берет, имея в своем активе, сверх очевидного профессионализма, непривычный для нашего ТВ романтический облик салонного философа-пиита и разом “своего парня”.

— Андрей, о собственно “Пресс-экспрессе” несколько позже. Сначала, будьте добры, поясните, откуда вы взялись? Как мог я, прилежный телезритель, прокуфать ваше появление?

— Ну... я взялся с Горы (пожалуйста, я вас прошу — не воспринимайте это как прихоть — писать это слово с большой буквы): существует такая Гора с диким лагерем недалеко от Алусты в Крыму. Прибежище генерации “нравственных уродов”.

— А это еще что такое?

— Это человеческая порода, которую очень не любили большевики, клеймившие нас. Их оценка настолько стала привычной, что мы и сами стали себя называть нравственными уродами и даже гордились этим (что продолжается и сейчас). Гордились, потому что тогда мы делили людей на две категории: дебилы и уроды. Урод по-нашему — это человек, движущий общество вперед и делающий это весело и со вкусом, а дебил — ничем двигать не может, поскольку по сути своей ограниченный и корыстный эгоист и пустоцвет, для кого превыше всего — ячество. Кстати, сегодня отчетливо видно, как эти — назовем их так — модели опережают, кто жизнь положил ради себя любимого и кто дарит себя людям, получая от этого кайф.

— “Подари радость другому человеку, и это тебе вернется сторицей” ...

— Именно. В продолжение темы “откуда Егоршев взялся” вспомню и школьную “веху”, когда я в УПК получил первый разряд слесаря механических работ. Но все-таки первая моя настоящая работа была ди-джемом на сцене.

— Это когда же?

— В начале восьмидесятых в моем родном городе Жуковском. Тогда еще не было этих умца-бумца, “ласковых маев” и прочей лабуды, неагрессивно мне претящей. Мне повезло, я и мои “боевые соратники” работали на очень хорошей “новой волне”. Эта работа, сиз развила мои природные веселость и общительность.

— В школе, наверно, вы были из тех, кто “камчатку” как стиль жизни сочетал с добротой учебной.

— Почти... А после — Гора с сообщаемым ею состоянием веселого алкоголизма и пажонской медитации. Море, луна, путь на вершину, дальше — плато, пиво, “космические лифты”...

— Чего?

— Когда медитируешь, и не такое рисуется в воображении...

— Вы служили?

— Да. Сначала барабанщиком, затем альтистом в военном оркестре, диск-жокем на сцене офицерского клуба, референтом политотдела части...

Но главное, чем я занимался там и что позже стало основным занятием в жизни, — это радиовещание. Было домов десять офицерского гарнизона: такая была сеть. И я был — без похвалы — единственным, кто готовил по три радиовыпуска в день — в одном лице и режиссер, и редактор, и монтажер, и оператор...

— Где вы служили?

— В Прибалтике, в войсках ПВО.

— Да, вот что! До армии я три года учился в Институте инженеров гражданской авиации.

— Больно быстро управились.

— Я почти три курса закончил, но с четвертого меня... попросили послужить. Но если хотите, я расскажу одну примечательную в этой связи шуточку.

В 82-м году я закончил среднюю школу и поступил в институт. Не стало генсека Брежнева.

Я перешел на второй курс института — не стало генсека Андропова.

Я пошел на третий курс — не стало генсека Черненко.

И когда в 85-м я настропалился на четвертый курс, сверху мне сказали: “Слишком рано!” — и выкурили меня в армию.

Отслужил. Нормально и спокойно отучился три курса на журфаке МГУ, но на четвертом та же история: не стало как президента, имею в виду, Горбачева. Ну что ты будешь делать?

Но самое интересное: Ельцин оказался сильнее сил небесных! Я уже получил диплом об окончании, то есть и пятый курс одолел... а Ельцин “устоял”, прокинув мою теорию... Но я всегда повторяю фразу, что судьба моей страны и моя судьба тесно переплетены. Как вы думаете, имею основания?

— Ну...

— Ладно, рассказывайте дальше. Когда я встречал Новый, 1991-й год, стала одолевать меня невозможная скука, и я обиделся на Совок. Эта обида — просто смертная — отразилась в новогоднем желании самому себе. Я написал: “Только не в СССР!”, понимая под этим нежелание будущий год встречать в Союзе. И что же? Следующий год я встречал в независимой России.

— Думаю, что это не просто шутка, а уже жанр некий. Такой “чернокижый апокриф”... Мы уже подходим к “Пресс-экспрессу” или пока рано?

— Еще немножко. В 90-м году я был здесь сценаристом 1-го тура фестиваля “Ступень к Парнасу”. И тогда я отчетливо понимал, что это была халтурная работа, за которую, что прельстило, платили приличные деньги. Требовалось состряпать ди-джейский текст для тогдашних ведущих Татьяны Веденевой и Славы Зайцева. Но это так...

Весной 90-го я на ученом совете факультета журналистики голосовал за создание первого в России независимого радио, а в августе — чем не мистика? — воротившись с той же Горы, открыл газету и узнал, что начало вещать “Эхо Москвы”. Совершенно естественно, что с октября 90-го я начал работать на этой радиостанции. Был ведущим программ, потом развернулся и стал делать авторскую передачу “Пацифический шоу”.

У меня клочка такая — Пацифик, и даже на визитках было написано: “Андрей-Пацифик-Егоршев”.

Много всякого попробовал на “Эхе” — служба информации, ночная программа с субботы на воскресенье. Но поскольку все-таки я учился на телеотделении, исподволь зрели планы — понятно какие, да? Меня влекло на ТВ с необычайной силой. И летом 91-го, уже располагая каким-то опытом, я попросился поработать корреспондентом у Леонида Парфенова в тогдашней

программе “Намедни” (Леонида я считаю одним из самых профессиональных людей в “Останкине”). Этот опыт у меня удался, я заявил о себе. И когда летом 92-го я позвонил Парфенову, чтобы пригласить его поучаствовать в моей радиопередаче, мне тоже предложили кое-что. Сказали: “Егор хочет программу по прессе”. Как ни странно, желание “Егора” меня не застало врасплох. Яковлев всегда был и остается убежденным газетчиком. Даже в кресле председателя телекомпании.

Короче, я подумал: “Почему бы и нет?” Запасся телефоном Татьяны Меншиковой, сподвижницы Яковлева, более-менее внятно изложил ей, как мне видится программа, ну, она мне и говорит: “Мне нравится ход ваших мыслей. Приходите в понедельник с заявкой”.

— И вся, значит, недолга.

— Да, очутился без диплома на должности сначала комментатора, а потом политического обозревателя. Но и с этим в связи у меня есть такая полшутка с претензией. Когда-то мне было прочитано, именно мне из Книги Перемен: “Необходимость ждать”. Я и ждал, убежденный, что ожидание окупится. И когда мне предложили свою программу на первом канале, я шестым чувством дошел: вот он, мой час. И теперь моя подруга, моя любимая, которая одновременно и моя коллега (“Новости”), говорит, что я прямо вгрызаюсь в работу. Еще бы! Я очень люблю работать.

— От папы с мамой передальсь?

— Да, родители мои люди работающие, авиационные специалисты. Правда, они всегда частили меня за... лень. Уроки учить, ведро мусорное вынести, на даче помочь — меня упрекали, что я либо отлыниваю, либо все делаю “левой ногой”. А недавно я сказал маме: “Работать-то я, оказывается, умею, вот она, моя работа — та, которую я люблю и умею делать”.

Чушь, что каждый должен уметь... ну не знаю: лампочку вывинтить, гвоздь вбить, с водородом разбираться, газовую плитку привести в порядок. То есть я чушью называю те случаи, когда об умении делать все говорят как об обязательном, как об императиве. Я должен быть крепким специалистом в своем деле и получать за мастерство достаточные деньги, чтобы нанять того, кто мне починит свет, газ или разберется с водой.

— Андрей, насчет денег...

— Сразу могу признаться: у нас их пока нет, но мы уверены, что будут.

— Но пока нет.

— Пока нет. И это естественно. Ведь что такое “Останкино”? Если говорить образно, Егоршев как рыцарь с открытым забралом вошел в чрево этого зверя. Это огромная система, созданная при социализме, во многом сохранившаяся, но те черты, что появились недавно, только усугубили дело. Объясню “на пальцах”. Нам нужна машина. Ее нам обеспечивает ТО “Экран”. Мы пишем заявку: дайте машину. Нам отвечают: нет машины. И все! И ничего не попишешь! Прежде начальнику стоило издать “таб”, в ответ слышалось незамедлительное “мяу”, то бишь — “есть!” Сегодня начальник поднимает трубку и упавшим, жидким голосом, путаясь, просит: извините, пожалуйста, могли бы вы... Это он так обращается к своему подчиненному. Тот небрежно обрывает: нетути машины. Такой вот развал здесь. Сейчас переходный период. И мы угодили прямо в него.

С одной стороны, в “Останкине” сидят люди, работу свою понимающие как социальный заказ. Которым все одно, от кого заказ исходит: сказано — общаем. И этих людей перековать — уже утопия. С другой стороны — мы. Мы работаем на эфир. Не на начальство, а на эфир.

— Бывают же компромиссы...

— Конечно, на какие-то компромиссы я иду, на небольшие, в целях сохранения программы, но где дело касается большого счета, там я никаких позиций сдавать не буду.

— Не раз и не два в журналистском кругу я слышал разговоры о вашей “слабости к конвертам”.

— Но это исключается абсолютно! Абсолютно. И вот почему. Было бы нелепо, если бы нам платили... ну, скажем, “Известия” — им не нужна реклама. И какая бы была независимость, если бы с “Независимой” (простите за тавтологию) я бы взимал деньги? Мы ориентируемся на интересы рядового читателя, у которого пристрастия давно определились: он читает то-то, то-то и то-то. И мы об этих изданиях, как умеем, рассказываем, а это, как правило, такие “монстры”, которые в рекламе не нуждаются.

— А отношения в редакциях с кем строите?

— Как правило, с ответственными секретарями. Именно эти люди помогают осуществлять наш принцип — работать на базе завтрашних газет. А теперь скажите: как могут быть хорошими отношения между теми, кто на уровне “конверта”? У нас отношения со всеми равные, приятельские. Что не мешает нам, скажем, долбануть ту же “Независимую” за то, что она пустила на свои страницы полного идиота. Так же с другими. Только так.

— Тогда скажите, какая самая центральная у вас проблема?

— Не знаю, можно ли обозначить ее словом “центральная”, но есть такая, от которой иногда даже опускаются руки, — крайне неудобное эфирное время. Это особенно чувствуется по пятницам, после ВИДа, в 2 часа 15 минут. После “Музобоза”, после кошмара “Я почти знаменит”, то есть после двух часов попсы, которую нормальные люди, на которых мы ориентируемся, не смотрят. И в третьем часу, а иногда и позже вдруг — бац! — вылетает наш паровозик свистящий... Кто увидит нас, кроме — ну, не знаю — упертых сов? Но я убежден, все образуется. Потому что потенциал у нас неимоверный. Есть фантастические проекты, вполне реальные (афишировать не буду, наученный горьким опытом: одну задумку у нас умыкнули). Проекты, способные возродить представление о политическом вещании как о чем-то сновторном (что, если судить по нашему ТВ, близко к правде), способные явить зрителю интереснейший симбиоз политики и шоу. У нас есть все предпосылки для рывка: суперкоманда, дружеское окружение, силы и желание.

Олег КУШАНАШВИЛИ.

Фото Натальи САМОЙЛОВОЙ.

Шура А. ПАРДЯВ